

Как понять, что происходит во время пандемии, изучая себя и других

Беседа Полины Колозариди с Аннетт Маркхэм

К ГЛОБАЛЬНОМУ И ДАЛЬШЕ

Полина Колозариди: Давайте начнем разговор с парадокса: вроде бы интернет, карантин, вся ситуация с пандемией обычно воспринимаются как глобальное явление. В вашей работе 2009 года вы пишете о «глобальном существовании»¹, а в недавнем проекте 2020-го² – что пандемия обычно воспринимается глобально. При этом нельзя же просто сказать: «Ну, да, их называют глобальными, а они на самом деле совсем не такие». Что это все же значит? В ваших работах я нахожу надежду на какой-то ответ. Например, ваше исследование коллективных автоэтнографий³ помещает опыт жизни при пандемии COVID-19 в очень

- 1 MARKHAM A. *How Can Qualitative Researchers Produce Work that is Meaningful across Time, Space, and Culture* // MARKHAM A., BAYM N.K. *Internet Inquiry: Conversations about Method*. New York: Sage Publications, 2009. P. 131–155.
- 2 MARKHAM A.N., HARRIS A., LUKE M.E. *Massive and Microscopic Sense-Making during COVID-19 Times* // *Qualitative Inquiry*. 2020. November 30 (<https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1077800420962477>).
- 3 MARKHAM A., HARRIS A. *Prompts for Making Sense of a Pandemic: The 21-Day Autoethnography Challenge* // *Qualitative Inquiry*. 2020. November 6 (<https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1077800420962487>).

**ПАНДЕМИЯ/
ИНТЕРНЕТ +
ОПЫТ И ЗНАНИЕ**

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ**

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХО-
ДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ,
ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

Полина Колозариди (р. 1987) – интернет-исследовательница, преподает в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» и в Национальном исследовательском университете ИТМО, координирует клуб любителей интернета и общества. Научные интересы – интернет-исследования, история технологий, философия знания.

Аннетт Маркхэм (р. 1964) – содиректор и профессор Исследовательского центра цифровой этнографии (Digital Ethnographic Research Centre, DERC) университета RMIT Australia, аффилированный профессор информатики университета города Орхус (Дания). Научные интересы – цифровая культура, исследования данных, критическая педагогика, арт-интервенции.

конкретный контекст. Как вы считаете, как изучать и познавать вещи, которые мы привыкли представлять глобальными?

Аннетт Маркхэм: Я писала об этом в 2009-м, статья называлась «Как сделать свою работу глобальной» – вы, наверное, о ней говорите. А автоэтнографический проект я начала в прошлом году не потому, что пыталась поставить под вопрос глобальный размах пандемии, но из-за того, что всем казалось, что этот опыт [переживания пандемии] для всех одинаковый. И правда, чувство было глобальное, невероятно глобальное. Я в первый раз тогда почувствовала такое: «Ага, мы сейчас все переживаем одно и то же».

Но это иллюзия. Естественно, все переживали по-разному. И даже там, где, казалось бы, все у всех должно проходить одинаково, например, в одном городе, у разных групп людей все по-разному. Но есть при этом ощущение – думаю, у многих оно было, – осознание того, что все мы люди на одной планете. Такое не очень часто получается: во время солнечного затмения или чего-то еще большего – может, мировые войны как-то так действовали. В воображении возникает на секунду конструкт нашей общности, этот вирус поражает нас всех на очень глубоком личном уровне. Мы все носим маски и моем руки. Мне кажется, на мгновение многие осознали себя такими же, как и все остальные на планете. Это было замечательно.

Не знаю, долго ли это продлилось и сколько это чувство себя поддерживало, но я сейчас много думаю об изменении климата, потому что это, видимо, будет следующей такой вещью с глобальными последствиями, и хорошо бы нам понять, что это за ощущение.

О моем автоэтнографическом проекте... В марте прошлого года я хотела посмотреть, смогут ли разные люди, неважно где, задуматься о том, что их связывает, о собственном микроскопическом жизненном опыте повседневности во время пандемии в глобальном масштабе. В этом была вся затея: сделать так, чтобы люди подумали. И мне было не так уж важно, как они думают, главное – чтобы думали. Моя идея была в том, чтобы завести процесс и придумать хороший вопрос (или несколько вопросов), которые бы навели людей на мысли. А потом уже смотреть, куда эти мысли поведут. Я не ожидала, что у всех обязательно сойдутся взгляды, или что мы придем к согласию, или что мы будем рассуждать одинаково. Поэтому неудивительно, что получившиеся из этих размышлений статьи оказались очень разными. Одна интересная вещь: несколько совсем разных людей использовали в своих размышлениях образ плетения, плетения волос. Работа, частные и политические жизни сплетались. Ты-ученый сплетаешься с тобой-домашним педагогом, потому что все дети

сидят дома, потом в это вплетаешься ты-жена – все эти жизненные роли переплетаются. И еще «сплетение» использовалось в разговоре о связи людей между собой, о сплетении жизней.

Как мы это выяснили? Во многом задачей проекта было посадить людей вместе, чтобы они создали изысканный труп, как у сюрреалистов.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ, ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

П.К.: Изысканный труп?

А.М.: Это термин из движения сюрреалистов: нужно сложить кусочек бумаги, первый человек начинает рисовать голову, но только одна линия заходит за складку. Потом тебе передают бумажку, ты видишь только эту линию, ты что-то добавляешь, складываешь бумагу и оставляешь линию для следующих. Когда все готово, получается такая странная штука, результат сотрудничества – но, что именно в ней делают другие, мы не знаем. Мы сделали такой изысканный труп в проекте, первые писали девятнадцать слов о Ковид-19, отдавали их вторым, те читали слова и рисовали картинки по ассоциациям и передавали слова и картинки третьим, которые совмещали слова и картинку в своего рода видео или в каком-то движении, а четвертые добавляли музыку или саундтрек.

Смысл был в том, чтобы попробовать развить сотрудничество, из которого впоследствии может вырасти общая мысль, или, может быть, чтобы люди вместе статью написали. Так и вышло, было отлично. Но сложнее всего было разобраться со связью огромного и микроскопического. Напрямую понять это, решить проблему связи, было невозможно. И решение здесь не в том, как мы говорим о ней, а в процессе как таковом. Если посмотреть на проект со стороны через год и его обдумать, что-то в огромном и микроскопическом может стать яснее. Резонно?

СПЛЕТЕНИЕ И РАЗРАСТАНИЕ

П.К.: Во-первых, я думаю о метафоре сплетения – сплетения разных уровней частного и политического, огромного и микроскопического, но еще и сплетения жизней. Отличная метафора – и как она звучит, и как ощущается. То есть мы чувствуем этот процесс не только у себя в голове, но и телом. И я вспомнила, что в вашем автоэтнографическом проекте была часть, посвященная воплощенному (*embodied*⁴) опыту.

Вначале вы сказали, что это чувство, сознание нашей общей человечности, связано с воображением. Мой вопрос: можем ли

⁴ Мы используем слово «воплощенный», так как существует традиция перевода *embodied cognition* как «воплощенное восприятие». – *Примеч. перев.*

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХО-
ДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ,
ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

мы как-то его познать? Да, мы можем его почувствовать как что-то в моменте – но можем ли мы им поделиться? Можем ли мы поделиться этим пониманием, например, с помощью вашего изысканного трупа, или при совместном написании статьи, или через *Facebook*?

А.М.: Естественно, правильного ответа здесь, я думаю, нет. Моя собственная автоэтнографическая работа за прошедший год была весьма содержательной для меня и очень чувственной, очень телесной. Я писала, и у этого письма очень большая чувственная нагрузка.

И для некоторых читателей это работает. Например, для меня самой, когда я читаю свои тексты. Если я грустила, когда писала текст, я перечитываю его и грущу. Но, когда я дала читать свои тексты нескольким студентам на аспирантском курсе, который я вела в июне, им не понравилось. Не то чтобы именно не понравилось, но они сказали, что на них текст никак чувственно не подействовал. Это мне говорит о том, что, возможно, опыт COVID-19, карантина, пандемии для каждого живой и телесный очень по-своему. Все очень идиосинкратично и индивидуализировано, и ничье объяснение не поможет вам понять собственный опыт. Поэтому мне кажется, что им не понравилось читать о моих переживаниях по поводу COVID-19, потому что у них были свои. Читать о моем опыте никак им не помогало, он ничего для них не значил.

И, возможно, в этом трюк всего упражнения. В начале автоэтнографического эксперимента мы думали, что получится найти двадцать–тридцать заинтересованных, но, когда к нам пришли 150 анкет, мы не смогли отказать никому. Среди этих 150 человек некоторые очень активно участвовали, кто-то выпал, кто-то держался некоторое время, а кто-то поначалу ничего не делал, а потом встроился. У всех было разное расписание и разные точки входа в проект, и это тоже было хорошо.

Но истинный момент эксперимента в том, что в качестве его результата никогда не предполагалась серия статей. Задача была не в том, чтобы собрать и проанализировать какие-то данные о жизни разных людей и сделать из них выводы, а просто пригласить их поиграть вместе. Возвращаясь к вопросу, почему, с моей точки зрения, это актуально: может быть, я смогу все закольцевать. С помощью такого упражнения мы можем делиться, но не в порядке «передачи знания». Нет, дело тут не в передаче опыта или знания об опыте. Можно было бы спросить: а в чем тогда разница между исследованием и искусством, разве искусство не может выполнить то же самое? И что это за опыт такой, если им лучше поделиться в не-тексте, не-дискуссии или не-статье?

П.К.: Когда вы описали опыт одномоментного уравнивания, как происходило в мировых войнах и в нынешних страстях по поводу глобального потепления, я подумала: а что именно в этом особенного?

Ведь эти события и процессы – как в прошлом, так и сейчас – происходят одновременно для всех, каждый видит что-то – обычно ужасное или по крайней мере пугающее, войны и так далее. Мы можем вспомнить и более оптимистичные вещи – первого человека на Луне или в космосе.

Но в ходе этих событий у нас не было возможности поделиться чувствами и пониманием синхронно, потому что не было интернета. Не только интернета как технологии или инструмента для передачи информации, но и как *способа существования или жизни с интернетом*, который мог бы помочь нам делиться этими чувствами и пониманиями. Вопрос не в том, что «можно было бы об этом писать» – можно писать письма, это довольно-таки синхронно, можно написать книгу, но это не то же самое, что ваша работа и ваше общее автотнографическое дело. Тут скорее – воспользуюсь вашей метафорой – сплетение, когда мы все делаем это одновременно, находясь в разных местах.

Интересно, что примерно в то же время, когда появился интернет, оформились глобальные (западные) общественные науки. И сейчас я расположила бы многие дискуссии между двумя полюсами: позитивистским и интеракционистским. Вопрос в том, что мы делаем, чтобы синхронизироваться: составляем одну объективную систему знания или движемся к интерсубъективности.

И второе: акцент в вашем эксперименте ставился не только на связанности, но и на разобщении, так? Ведь у нас есть границы наших тел – что поделаться? Но второй шаг состоит в том, чтобы все же переживать вместе. И тут мне в голову приходит коллективный гибрид, киборг.

А.М.: Почему мы вообще можем говорить, что переживаем пандемию вместе? Отчасти потому, что она заполняет наши экраны. Мы буквально получаем вести со всего мира, как будто они касаются нас всех. Может, не всех, но этот бесконечный скроллинг, получение изображений отовсюду, рассылка мемов дают ощущение, как будто мы вместе.

Мы все друг друга как бы знаем, вращаемся примерно в одинаковых кругах, которые нас связывают с миром, и у нас одновременно обновляются ленты новостей перед глазами, тем более в пандемию, когда новости каждый день – даже не новости, а мемы – разрастаются. Все беспрестанно фокусируются на ней – пандемия же! И в этой ситуации мне не кажется иллюзи-

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ**

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ, ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХО-
ДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ,
ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

ей, что мы переживаем все это вместе, это настоящее чувство. А потом оно пропадает, ты понимаешь, что оно-таки ложное.

И вы правы: здесь происходит синхрония. Но я не знаю, дело в синхронии, или в том, что у нас есть доступ к большому объему информации, или это все плюс-минус одно и то же? Это одна и та же информация или сопоставимая? Но в любом случае цифровая среда поддерживает воображаемое нахождение в общем положении. И, хотя многие с этим спорят, я, честно говоря, до сих пор убеждена, что это так.

Почему мы вообще можем говорить, что переживаем пандемию вместе? Отчасти потому, что она заполняет наши экраны. Мы буквально получаем вести со всего мира, как будто они касаются нас всех. Бесконечный скроллинг, получение изображений отовсюду, рассылка мемов дают ощущение, как будто мы вместе.

П.К.: Эта мысль, что мы проживаем что-то не *одинаково*, но *сопоставимо*, очень важна, как и сам зазор между одинаковостью и сопоставимостью, и восприятие этого зазора ничуть не менее важно, чем ощущение связанности.

Но я вспоминаю еще одну вашу метафору – метафору разрастания. Вы говорили о разрастании мемов, и я поняла, что разрастание и сплетение как процессы не диалектичны, а просто противоположны, потому что разросшееся можно сплести, мы сплетаем волосы и даем им разрастись, так что все замыкается.

ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ, КАК У ШЕРЛОКА

П.К.: Как последовать за вами в этих исследованиях? Ваш проект хотя бы частично относился к науке или к искусству – верно? Или эти тяжелые слова не обнадеживают, а только нагоняют скуку?

А.М.: Я использую слово «научный» свободно. Сама я академический ученый, и я хочу поменять Академию, поэтому я пытаюсь вмешаться в решение политического вопроса «что считать научным изысканием» (*inquiry*).

Понимаете, если заниматься расследованиями, думать нужно, как Шерлок Холмс или еще какой-нибудь сыщик, и слово «расследование» тут подходит лучше, чем «исследование» (*research*).

Моя сестра, когда думает, где посадить чеснок в саду, практикует расследование, и в него входят все те же процессы, что и в мое расследование о том, как люди думают об интернете, просто они направлены на другой объект. Мне дозволено называть мое расследование научным, потому что я пишу о нем определенным образом, а ей – нет. Но, если посмотреть глубже, речь идет об отдельных повседневных привычках в наблюдении и осмыслении мира. То, чем мы занимаемся, – смыслопроизводство (*sense-making*)⁵, и оно входит в повседневное расследование. Процесс и продукт этого расследования – иногда письмо, иногда рисунок, иногда пение, временами это крик против ветра, что угодно.

Проект, над которым я работала последние годы, был сверхнаучным, потому что он стремился заставить людей задуматься о собственных жизнях в условиях пандемии с перспективы этнографа. Это примерно как то, что кто угодно может быть специалистом в общественных науках в тот момент, когда он/она разбирается в своем жизненном опыте, – и, если погрузиться в процесс рефлексии, об этом можно и написать.

Но даже если бы никто ни слова не написал, но стал думать о своей жизни иначе из-за рефлексии, значит, мой проект работает. То есть цель проекта смещается с производства научных статей на производство научного знания, если понимать науку как что-то аналитическое, то есть ориентированное на подробности и доказательства, движимое любопытством, а также скрупулезное и системное, желающее привести тебя к знанию. Как только мы определяем науку в терминах шире, чем рамки самой науки, процесс этого самоанализа оказывается абсолютно научным. Его результатом может стать то, как твое знание меняется, или как ты по-другому говоришь с друзьями, или что ты можешь об этом написать, или что меняешь свои привычки, или создаешь объект искусства об этом – объект, которым можешь поделиться с другими. Много что может стать результатом – от изменения твоего способа знать до выработки какого-то более формального продукта.

П.К.: У нас с вами похожие представления о том, что каждый может быть исследователем, – я говорю «исследователь», потому что для русского уха почти нет разницы между «исследованием» и «расследованием». И я согласна с идеей, что часто мы расследуем, как Шерлок Холмс. Как раз недавно я думала о мистицизме в текстах Конан Дойля, и о том, что у науки всег-

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ**

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ, ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

5 У этого понятия нет устоявшегося русского перевода. В ходе подготовки текста к публикации обсуждались и другие варианты: «смыслообразование», «производство смысла». Мы остановились на «смыслопроизводстве», так как это слово сохраняет акцент оригинала на *производстве*. В словосочетании «производство смысла» «смысл» оказывается исключительно объектом воздействия. – *Примеч. перев.*

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ**

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХО-
ДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ,
ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

да за пазухой припрятана мистика – даже само понятие «расколдовывание мира» на следующем ходе имеет дело с магией.

И, возможно, слово «изыскание» возвращает чары процессу исследования.

А.М.: Да! Любое расследование делает тебя похожим на Шерлока Холмса по разным причинам. Я всегда пользуюсь этим образом в преподавании, я говорю о трупах на полу и о том, как сыщик пытается воссоздать ход событий. Но еще я обожаю, как Шерлок смотрит на что-то, при этом видя гораздо больше. И, когда он смотрит, он видит сразу очень много вещей – не только предмет перед ним, но и что-то, чего перед ним нет. И тут возможна и работает идея расколдовывания или мистицизма.

П.К.: Есть книга Кирилла Кобрин о Шерлоке Холмсе и Новом времени⁶. Он там объясняет в том числе, как люди в Новое время осваивались с жизнью в городах. Дело в том, что очень разные люди выглядят похоже в большом городе и нужны особые сведения, чтобы их между собой различить и понять, что значит жить всем вместе в таких условиях, когда любой может оказаться убийцей или чужаком. И в этот момент в литературе появляется Шерлок Холмс, фигура современного знания, что особенно видно в «Собаке Баскервилей». Там есть доктор Мортимер – человек, ходящий по болотам и разыскивающий древние реликвии местной истории, примерно как это делали ранние антропологи с их черепами, в которых они ищут основания истории и человека.

Связывая это с нашей беседой, я сказала бы, что Шерлок Холмс – и квинтэссенция модерности, и переходная фигура. Он открывает пути к тому, что лежит за западной модерностью, находится на границе между знанием наук, химией и так далее, и тем, что по ту сторону – алхимией, темными чувствами, невидимыми вещами.

А.М.: Наркотики. Он ведь принимает наркотики и играет на скрипке – так? То есть что-то происходит, пока он играет музыку, потому что она что-то иначе раскрывает?

П.К.: Это за пределами рационального. Когда он объясняет свои мысли Уотсону, они становятся похожи на статью, текст. Но само понимание нуждается в объяснении именно потому, что оно в том числе за пределами рационального.

6 Кобрин К. *Шерлок Холмс и рождение современности. Деньги, девушки, денди Викторианской эпохи*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017.

РИТМ И ОРКЕСТР

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ, ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

А.М.: Но важна и систематика. Это не систематика и скрупулезность в том смысле, как они бывают в химической лаборатории западной науки – да, они находятся за пределами рационального, но у них есть ритм, даже если строгой логики нет. А если подумать о других видах логики или систематичности, как в музыке? О таких вещах, как ритм, резонанс, реверберация. Я очень хочу написать книгу, в которой для разговора о методе используются эти метафоры.

Возвращаясь к проекту об автоэтнографии. Почему люди могут разделить опыт с другими? Это вопрос того, чтобы создать историю с сильным резонансом, с реверберацией, которая чувственно врезается в людей. Какие-то истории режут по сердцу, как гобой, звучащий в церкви, как когда слушаешь Вивальди на аутентичном инструменте в том месте, где ему и было положено звучать, – и то, как инструмент настроен, дает ему резонирующие качества в этих стенах, и он врезается тебе в душу и заставляет плакать.

Если подумать о результатах автоэтнографического проекта, там было 150 человек – каждый писал статьи, настроенные на их собственный опыт. И со временем, может, если подождать года три, люди напишут истории, которые резонируют с опытами других людей, потому что они попробуют другой ритм – но пока что он настроен только на них самих.

П.К.: Мне очень нравятся ваши формулировки. Весной я проводила эксперимент с двумя группами: мы представляли исследование, как оркестр. Каждая маленькая группа как бы настраивала собственный инструмент-метод, а потом все собрались и попытались сделать из исследования процесс, как музыку.

Настройка была главной метафорой: ты сам отвечаешь за свой инструмент, а затем вы выступаете вместе. И моя идея состояла в том, чтобы развернуть традиционное представление о том, что результат – это статья. Я всем говорила, что представление результата – это не статья, а то, чем мы занимаемся эти 40 минут, наше исследование – это то, что мы играем во время этого разговора.

А.М.: Здорово! Полина, нам с вами нужно сделать что-то вместе, мы же думаем синхронно.

П.К.: Ну, да, нас ведь соединяет интернет.

А.М.: И теперь после всего этого представьте: все, что у вас есть, – это выступление на 40 минут. И потом они проходят.

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ**

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХО-
ДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ,
ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

Если есть только эти 40 минут, что это нам говорит о науке и об исследовании? И об Академии? О находках, что бы это ни значило? О создании сюжета?

П.К.: Сюжет часто важен, потому что, как ни крути, мы имеем дело со статьями. А сейчас у меня вопрос, в том числе о нашем разговоре, который в итоге станет текстом.

ЛЕТСПЛЕЙ И КРИТИКА

П.К.: Это довольно важный вопрос, в том числе и для меня. Предположим, мы расширим виды знания и скажем, что есть и расследование, и исследование, не только конкретно и исключительно научное или художественное. Тогда возникает вопрос: «Как мы можем об этом говорить, как мы можем друг друга критиковать?». Я имею в виду не критику запрещающую, исключаящую, но критику публичную, включающую других людей. Но и с банальной критикой как способом примечать ошибки, недопонимания – как нам быть пристальнее? Как ваш проект можно критиковать?

А.М.: С одной стороны, если создается ощущение, что проект недоступен для критики, возможно, дело в том, что он написан таким образом, чтобы от критики заслониться, возможно, часть процесса в нем скрыта, чтобы сделать критику невозможной.

В своей работе я стараюсь быть как можно более открытой в отношении того, почему я выбираю то или это, почему я работаю так, а не иначе или почему важно было сделать именно так. Большую часть времени, отведенного на выражение моей позиции, я трачу на объяснение, почему я считаю, что все было сделано хорошо. Всю мою жизнь это моя обычная практика – скорее всего потому, что я ищу одобрения от своих учителей и от тех, кого уважаю.

С другой стороны, мне интересна критика, которая находит слабые места в моих работах – например, в структуре или замысле. Как будто я разработчица и создаю пилотную модель. А в итоге она становится чем-то, что другие смогут применять – как будто это технологическая разработка, и ты разбираешь, что здесь сработало, а что нет. Если имеется в виду академический исследовательский процесс, из которого получают находки или интерпретации, я также закрываюсь от критики, потому что я не хочу открытости, потому что цель не в этом, она в чем-то еще.

Есть и третья интерпретация. Для меня исследовательский подход работает, только когда это исследование-интервенция.

Чтобы критиковать интервенцию, нужно спросить участников, что они чувствуют по ее поводу. Но в текст это не всегда возможно включить.

Получается, мы производим исследования или расследования и их смысл – в создании частного, в том, чтобы быть политической или этической интервенцией. А я выполняю функцию критического педагога⁷, занимаюсь стимуляцией определенного рода мышления или действия в течение недель. И то, что я делаю, – определенная ролевая модель, потому что я с собой очень жестка и я много думаю о своей роли как помощника или посредника, очень много времени уделяю таким размышлениям.

П.К.: Когда я читала вашу статью, мне пришла в голову мысль о летсплеях [*let's play*], которые делают геймеры на *Twitch* и *YouTube*. Это трансляции⁸: люди играют в видеоигру, и у них есть аудитория, люди, которые на них подписываются, и геймеры могут даже ничего не говорить, только играть. Они отыгрывают, играют игроков – это не ролевая модель, а просто конкретный человек, который играет в игру. В нее могут играть все, но зрители подписываются на определенных игроков, и это сводит людей вместе.

И тут речь не о «мы вместе, потому что мы как представители академического мира или художники, мы вместе, чтобы друг друга критиковать», а «мы вместе, потому что мы подписаны на этого человека, который отвечает на такие вопросы с помощью следующих методов, мы подписаны на этого ночного эльфа с его мечом, и мы говорим: “Нет-нет-нет, не ходи туда, умоляю, нет! Там огромный монстр!”»

То есть ты эльф с мечом или иногда с волшебной палочкой, и такой летсплей работает! Он, впрочем, создает разные отношения, привлекает людей по-разному, потому что, если ты создаешь технологию, другие будут тоже ею пользоваться, верно?

А.М.: Форма исследования, подход к исследовательской практике дает возможность создавать критерии для своей оценки, критерии анализа. Это происходит из подхода, но подход отделен от цели. Как вы говорите, геймер на *Twitch* просто говорит: «Играем!», так что критерии оценки встроены в этот способ бытия и в цель.

Опираются ли критерии оценки исследования в Академии на цель исследования или на инструмент, на метод? Я считаю, что зачастую они происходят из корректного применения ин-

**ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ**

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ, ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

7 MARKHAM A.N. *Taking Data Literacy to the Streets: Critical Pedagogy in the Public Sphere* // *Qualitative Inquiry*. 2019. August 24 (<https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1077800419859024>).

8 О *Twitch* и стриминге см.: ЕСАУЛОВА Д. *Регулировать нерегулируемое: как русскоязычные стримеры приняли новую политику Twitch.TV* // *Неприкосновенный запас*. 2021. № 5(139). С. 254–265. – *Примеч. ред.*

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХО-
ДИТ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ,
ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

струмента, сбора данных, или анализа, или интерпретации, или выражения позиции. Поэтому, если вместо инструмента вы вернетесь на уровень цели, вы открываете для себя всевозможные варианты значения критики. И вы уже намекнули на это раньше, когда сказали, что критика не заключается просто в замечании «здесь вы плохо сделали», критика также означает «как другие могут сделать то же самое?».

П.К.: Вернемся к теме интернета и пандемии. Вы, вероятно, читаете и чужие работы об этих темах. Как ваш проект, ваша исследовательская программа, этот совместный опыт помог думать об исследовательских программах других людей, об их способах познания?

А.М.: Огромный вопрос. Я была вдохновлена [...] маленьким проектом, в котором участники писали истории из ста слов. Кто угодно мог предложить свою историю из ста слов о моменте из дня про пандемию – их собирала какая-то художественная программа. Я хотела сделать что-то вроде этого, я хотела, чтобы люди зарылись в свои переживания и воплотили способы познания этого времени, чтобы вышло что-то, что могло бы сделать эти переживания видимыми.

Дело, наверное, в моменте, во времени – я чувствовала срочную необходимость это сделать.

И всегда есть такие моменты, когда можно ухватиться за возможность поменять то, как люди думают, и я все боюсь, что этот момент прошел, что все опять станет на свои места и мы будем стараться вернуться к тому, чем мы занимались раньше. И это было бы грустно, очень обидно.

А как это связано с другими исследованиями, проведенными в связи с пандемией? Мне кажется, было очень много прекрасных историй и в основном они дошли до нас из журналистских текстов. Я не прочла ничего, с чем я не была бы согласна в контексте того, что люди пишут об опыте карантина, переживании изоляции и о том, как они справляются с работой.

Я считаю, что один из самых опасных видов исследований, которые сейчас выходят, – это опросы, которые проводят в университетах; в них говорится, мол, «да все в порядке, ни у кого никакого затяжного стресса нет». У меня на работе, кстати, сказали: «Все такие продуктивные, в прошлом году у нас был стресс, но сейчас никакого стресса нет», и я думаю, что это полная ерунда. Мне кажется, что некоторые из этих опросов очень сильно пытаются подтолкнуть нас обратно в сторону обычного положения вещей и за этим стоит политическая мотивация – и я хочу продолжать с ней бороться.

П.К.: Возможно, сплетение и разрастание – это еще один способ бороться, обходить или менять норму.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ –
АННЕТТ МАРКХЭМ

КАК ПОНЯТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ,
ИЗУЧАЯ СЕБЯ И ДРУГИХ

P.S.

А.М.: Я хотела еще обсудить метафору разрастания, рассеивания. Что если переживание пандемии – это рассеивание, вроде как рассеивается песок? А если к ней еще добавить реверберацию? Это действие и движение ритмичны, скорее звук, как скорость реверберации, которой он становится. Эксперименты со звуком над тарелкой с песком удивительны.

Громкость увеличиваешь, и вот это «жжжжжж» поднимается до высоких частот – и песок меняет узор. А потом переключаешь на низкую частоту реверберации, и узор меняется, но он очень симметричный, фрактальный. Он меняет узоры из-за резонанса, высокие частоты, низкие частоты. В итоге получается узор, похожий на плетеную косичку, но он может и разрастись, но разрастись орнаментально, не хаотично. Или узор может быть, как диаграмма социальной сети, как карта сети – или из этих линий может получиться круг.

Перевод с английского Бориса Грызунова

